

Человек в науке о мировой политике

Д.С. Катаев, Д.М. Фельдман

Статья посвящена проблеме участия человека в мировой политике. Авторы обращаются к опыту отечественной общественной науки, рассматривают историю и традиции изучения человека социологами и политологами МГИМО(У). Пример Бельгии помогает сделать вывод о том, что эмпирическое обоснование предлагаемой версии постановки проблемы свидетельствует о правомерности излагаемого подхода.

Изучение негосударственных участников международных отношений, в частности, человека — одна из особенностей науки о мировой политике, делающей акцент именно на мировых (в их органической взаимосвязи с внутренними), а не на межгосударственных политических отношениях и процессах. Проблема осмысления роли, места и основных форм участия человека в мировых политических процессах, если и нова, то только в том смысле, что в своих основных — онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, — аспектах сложилась к началу новой эры.

Перечень великих имен, связанных с исследованием этой проблематики, занял бы не одну сотню страниц, и при этом вряд ли мог претендовать на достаточную полноту. Составление даже самого обобщенного обзора результатов этого исследования, включающего их оценку и сопоставление, представляется задачей еще более сложной, чем безнадежная попытка ответить на встающие здесь вопросы, не опираясь на итоги многовековой работы предшественников. Кроме того, познавательная ситуация, в контексте которой идёт изучение человека в мировых политических процессах, осложняется взаимным противоборством различных исходных парадигмальных, идейно-мировоззренческих и методологических установок, зачастую обуславливающих несопоставимость и несоизмеримость научных выводов, полученных на их основе.

Наряду с основополагающими установками, существующими и противоборствующими в теории международных отношений (ТМО) иногда на протяжении столетий, в науке оформились и своеобразные

научные школы изучения человека как участника мировой политики. Их своеобразие определяется как интеллектуальным обликом, ценностной ориентацией и другими индивидуальными особенностями исследователя, так и исследовательских коллективов, которые ориентируются на те или иные цели, средства и способы научной работы. В этом смысле исследовательский коллектив и представляет собой научную школу, в которой каждый исследователь одновременно и учится, и учит, естественно, не всегда заслуживая положительные оценки коллег. Что же касается того вклада, который внесла та или иная научная школа в изучение человека в мировой политике, целесообразно попытаться выделить основные, узловые, общие для всех них черты, в той или иной мере присущие каждой школе. Наличие этого «общего» позволяет оценивать своеобразие каждой из них и её вклад в решение стоящих перед наукой задач.

Таковыми характерными для любой школы чертами являются:

1. принадлежность к той или иной общенаучной традиции (не парадигме) понимания генезиса и принципов верификации научного знания, функций и целей научного познания;
2. институциональное оформление и закрепление норм, процедур и правил взаимоотношений внутри данной школы, включая обоснование оригинальности, новизны и преемственности в получении научных результатов, правомерности их совместного или индивидуального использования;

Катаев Денис Сергеевич — аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России; E-mail: dbataev@inbox.ru

Фельдман Дмитрий Михайлович — доктор политических наук, профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО (У) МИД России; E-mail: dimfeldman@mti-net.ru

3. интеллектуальное своеобразие школы, обнаруживающееся если не как безусловно реализующаяся норма, то как стиль исследования, «почерк», характерный для работ представителей данной школы.

Предлагаемый подход к оценке и сопоставлению различных исследовательских школ, в той или иной мере занятых изучением международно-политической деятельности человека, сознательно ориентирован на отказ от оценки «хода боевых действий» в «войне парадигм» и поиска ответа на вопрос, какой «-изм» более предпочтителен в качестве пути к той цели, которую мы еще очень плохо представляем.

Действительно, основные «-измы»: политический реализм, политический идеализм (либерализм), марксизм и их многочисленные современные модификации и гибридные формы, созданные путем взаимного дополнения и (или) опровержения, совпадают в признании человека как необходимой основы, своего рода «субстрата» мировой политики. Но трактовки ими его природы, сущности, роли, места, функций, форм и степени влияния на мировую политику весьма далеки не только от возможности приведения к общему знаменателю, но хотя бы от выработки единой системы параметров, характеризующих человека, участвующего в мировых политических процессах.

Обращение же не к частно-парадигмальным, а к общенаучным традициям изучения человека в мировой политике, позволяет отметить наличие здесь своего рода «точки бифуркации», узлового момента, связанного с признанием приоритета то ли государства, то ли человека в качестве основного актора мировой политики. Не анализируя здесь истоки и основные этапы эволюции этой тысячелетней традиции, восходящей к Пармениду и Фукидиду, а размышляя об её отечественном воплощении на протяжении последних десятилетий, следует зафиксировать несколько важных для рассматриваемой проблематики обстоятельств.

Как известно, в нашей стране наука о международных отношениях и о любой сфере политики на протяжении большей части XX века существовала в весьма жестких рамках советизированного марксизма. Значение и влияние этого обстоятельства на изучение человека в мировой политике далеко не однозначно. Примитивный классовый подход, насильственно привитый отечественной общественной науке, ориентировал исследователя на изучение любых общественных, в том числе и международных, отношений как отношений, прежде всего, классовых, на абсолютизацию классового характера политики и понимание общественной деятельности индивидуального человека как «обусловленной и определенной вполне конкретными классовыми отношениями»¹.

Государство уступало место основного, на более влиятельного участника международных отношений, классу — «творцу и главному субъекту истории», инструментом и орудием, которого оно, в соответствии с принятой догматикой, являлось.

Вместе с тем, реальный, живой человек уходил в тень схоластически-диалектических рассуждений о многообразии роли личности в истории.

Жестко обозначенные и обоснованно претендующие на непроницаемость идеологические границы предохраняли исследователя от иного, «крамольного» понимания международных отношений, политики и человека, по сути дела задавая социально-политические пределы изучения соответствующей проблематики. Идеологическая догматика имела несомненное методологическое, организующее и дисциплинирующее значение. Исследователь должен был не только «в общем строю» советских обществоведов менять свои убеждения вместе с изменениями «генеральной линии» партии, но и, например, строго придерживаться единого стандарта оформления сносок на произведения классиков марксизма-ленинизма.

Сноски, действительно, оформлялись почти без ошибок. Тем более, что чуть более серьезные отклонения от этой линии клеймились как «отсебятина», «нескромность» или, что было еще хуже, как результаты «тлетворного влияния Запада», «классово-чуждых сил» и т.д. Последнее уже вело к почти неизбежным «выводам». Тем не менее, действительность, реальность международных отношений вынуждали специалистов-практиков и ученых учитывать не только «классовую сущность», но и живое многообразие участников международных взаимодействий, его проявление в политических процессах на мировой арене.

В условиях послесталинской «оттепели» была принята и рекомендована для распространения и воспроизведения установка, согласно которой международные отношения не сводятся к классовым, а «представляют собой совокупность экономических, политических, идеологических, правовых, дипломатических, военных связей (общений, сношений) и отношений между народами, между государствами и системами государств, между основными социальными, экономическими и политическими силами и организациями, которые действуют на мировой арене»².

Приоритет государства как основного участника международных отношений здесь вроде бы в явной форме не обозначен, но порядок перечисления, безусловно (и это хорошо понимали все политически-грамотные советские люди) имел значение. Соответственно, человека, участвующего в мировых политических процессах, по-видимому, следовало искать среди тех «социальных, экономических и политических сил, которые действуют на мировой арене». Не очень точный адрес, но для умных и ищущих настойчиво достаточно.

Действительно, по прошествии 5–7 лет в СССР вполне внятно заявило о себе научное направление, ориентированное на исследование именно международных, а не межгосударственных отношений. В частности, об этом свидетельствуют материалы проведенной в ИМЭМО в 1969 г. дискуссии по проблемам теории международных отношений. Несколько позже опубликовали свои посвященные

исследованию международно-политических отношений монографические труды профессор истфака МГУ им. М.В. Ломоносова Б.Ф. Поршнев и заведующий кафедрой философии МГИМО профессор Д.В. Ермоленко³. Появление этих монографий стало возможным благодаря приоткрывшимся в 60-ые годы каналам ознакомления с работами зарубежных исследователей и, конечно, гражданскому мужеству и научной смелости ученых, попытавшихся, не выступая открыто против доминирующих догм, расширить и углубить проблематику теоретического исследования международных отношений.

Поскольку в СССР политическая наука как отрасль научного знания была легитимизирована и стала оформляться позднее, чем социология, вплоть до 80-х-90-х годов XX века попытки изучения негосударственных участников мировых политических процессов предпринимались чаще всего в форме социологического исследования международных отношений.

Важно отметить, что МГИМО — едва ли не «самый правильный» гражданский вуз в СССР, был тем местом, где исподволь складывалось и оформлялось это направление исследований. О том, как это было, весьма откровенно и подробно рассказал в своих воспоминаниях профессор И.Г. Тюлин, многие годы работавший первым проректором Института: «В 1968 году, по возвращении с очередного международного социологического конгресса, Дмитрий Владимирович Ермоленко выступил с инициативой проведения в стенах МГИМО постоянного исследовательского семинара по вопросам социологии международных отношений, который я стал активно посещать.

Этот семинар, по сути дела, положил начало становлению в МГИМО школы теоретического анализа международных отношений, снискал известность в кругах исследователей-международников, а его руководитель — по праву, — имя пионера, я бы сказал даже, без преувеличения, основателя отечественной школы теоретического анализа и прогнозирования международных отношений и внешней политики.

Стимулирующее воздействие семинара было огромным. Это действительно был крупный поворот в отечественном общественном сознании, и, надо отдать должное, он совершился под умелым, гибким, дипломатичным руководством Дмитрия Владимировича. Это была своего рода «бархатная революция», поскольку всякая иная — и он это прекрасно понимал, — могла не просто завершиться ничем, но и нанести непоправимый вред всем ее участникам»⁴.

Не без труда легализовавшись в нашей стране, исследование негосударственных участников мировых политических процессов продолжалось⁵. Уже в конце 70-х годов можно было констатировать, что в советской научной литературе сформировалось два подхода к пониманию международных отношений. «Совпадая в признании комплексного, системного характера объекта исследования, эти подходы раз-

личаются в ориентации на предмет исследования. Если первый, «страновой» подход направлен преимущественно на изучение государств как субъектов международных отношений и их поведения на мировой арене, то второй, «социологический», уделяет большее внимание системе международных отношений в целом: ее связям с внутриобщественными отношениями, источнику изменения этой системы, внутрисистемным взаимодействиям⁶».

Но как бы ни оценивать сделанное старшим (и отчасти уже ушедшим) поколением наших коллег в советский период, не стоит солидаризироваться с хорошо известным в то время ироническим утверждением: «Советский Союз — родина слонов». До последних лет XX века не было опубликовано отечественных исследований человека не только как особого, специфического участника мировых политических процессов, но и как неизменного компонента, составляющего основу любых и всех международных отношений. Не было и работ, специально посвященных рассмотрению международных отношений как явления, относящегося к предметному полю политической науки.

Причины, обусловившие эти и многие другие, не менее важные, пробелы многообразны и заслуживают специального исследования. Не последнее место среди них принадлежит и уже упомянутому факту — отсутствию общественно признанной, институционально оформленной и легально, открыто развивающейся политической науки как отрасли научного знания. Поэтому зарубежные, прежде всего пришедшие с Запада, рассуждения о «природе человека» как основе международных отношений и внешней политики, при всей их парадигмальной ограниченности (будь то политический реализм, либерализм, конструктивизм или любой другой «-изм»), были очень полезны для тех, кто в рамках молодой отечественной политологии занялся изучением человека как особого, специфического участника международных отношений и мировых политических процессов.

Как правило, исходным пунктом этого анализа по-прежнему была констатация того, что специфика взаимодействия в системе международных отношений в значительной мере связана со спецификой политического характера межгосударственных отношений, поскольку государства вступают в общение друг с другом под определяющим влиянием политики. Но этого было совершенно недостаточно для уяснения того, что мировые политические процессы и человек, как один из участников политических отношений, могут и должны стать предметом отдельной научной дисциплины — науки о мировой политике. Несколько огрубляя суть дела, можно провести аналогию: атомы были всегда, в научное осознание мира они вошли со времен Демокрита, но атомной физики до конца XIX века не было. Громадная заслуга Р. Кохэна, Дж. Ная, их отечественных последователей и продолжателей, поддержавших, институционально оформивших и развивающих их

идеи явилось конституирование мировой политики как учебной и научной дисциплины.

Здесь нельзя не указать на тех, кто шел впереди: М. Лебедеву, А. Мельвиля, И. Тюлина. Наука о мировой политике, отчасти совпадая своему объекту с традиционным изучением межгосударственных отношений и внешней политики государств, вполне самостоятельна (а не междисциплинарна) по своему предмету. Продолжая проведенную выше аналогию, она похожа на такие науки, как химическая физика или астробиология, предметное поле которых отнюдь не является зоной, расположенной между химией и физикой или астрономией и биологией. Как и эти, куда более естественные науки, мировая политика имеет свой собственный⁷, системный по своей сущностной природе, предмет исследования. Им является система мировой политики.

Человек — не только основной, неотъемлемый компонент этой системы, но её демиург, строитель, ремонтник и модернизатор — одним словом, актер⁸ мировой политики. Эта констатация не сводится к причислению человека к числу актеров мировой политики, но и формулирует отправную точку одного из подходов к изучению человека в мировых политических процессах. С этой точки зрения, существенная особенность науки о мировой политике состоит в том, что она изучает политическое поведение человека как результат проявления его индивидуальной сущности, синтез его внутри- и международно-политических интересов и целей. Но проявляющихся в условиях, когда их сферой становится сначала та или иная ойкумена, а затем и весь мир.

По сути, речь идет о дальнейшем развитии и попытках разрешения противоречия между индивидом и глобальным человеческим социумом, на которое указал еще И. Кант. Называя индивида, все цели которого ограничены самим собой, «эгоистом», он писал: «Эгоизму можно противопоставлять только плюрализм, т.е. образ мыслей, при котором человек рассматривает себя и ведёт себя не как охватывающий в своем Я весь мир, а только как гражданин мира»⁹.

Сущностное противоречие между «эгоизмом», т.е. индивидуализацией, ведущей к обособлению политического актора и деятельной вовлеченностью этого актора в мировую политику, более или менее часто и благополучно разрешается на уровне личной биографии индивида, но до сих пор не находит своего удовлетворительного разрешения в политической теории.

Излагаемый подход позволяет считать человека актором мировой политики, по крайней мере, при следующих необходимых условиях:

- во-первых, включённость индивида в сферу мировой политики, многократно умножающая влияние на него все большего числа внешних, далеко не всегда чисто политических воздействий;
- во-вторых, относительная обособленность индивида от вскормившей и воспитавшей его политики, выделенность человека из той общности, которая непосредственно определяет его социализацию,

оснащая его системой норм, ценностей и поведенческих стандартов, всего того, что влияет на формирование его политических убеждений и политической деятельности;

- в-третьих, содержание деятельности индивида, преследующего свои собственные (не обязательно политические) цели, не может быть оторвано от политических аспектов их реализации. Это условие носит императивный характер, позволяя различать в каждом индивиде актора от «человеческого материала» (А.Зиновьев) мировой политики.

Это не единственный и, может быть, не самый лучший подход к пониманию человека, действующего на мировой арене. Буквально рядом с ним сформулировано понимание человека как предмета исследования «самостоятельной ветви гуманитарного знания — антропологии международных отношений. Человек выступает здесь в качестве самостоятельного социального типа «человек международный»¹⁰. При этом внимание исследователя акцентируется как на качествах «массового типа человека», доминирующего в обществе», так и на «детерминирующей роли антропологических характеристик индивидов, вовлеченных в международную жизнь»¹¹.

Различаясь в деталях и расстановке акцентов, оба эти подхода едины в признании необходимости предметного и конкретного изучения человека как творца, проектировщика и строителя, действующего в системе международных отношений. Усилия по решению этой задачи в науке о мировой политике получили свое институциональное оформление в создании (одной из первых в стране) кафедры мировых политических процессов, образованной в 1998 г. вместе с новым, самым молодым факультетом МГИМО(У) — Факультетом политологии. Со временем здесь сформировалась научная школа, активно исследующая негосударственных акторов, основные направления, формы и специфику их участия в мировой политике. Трудно не согласиться с одним из авторитетнейших ученых МГИМО (У), Заслуженным деятелем науки, д.ф.н. Т.А. Алексеевой, когда она отмечает: «Научные школы — это не только и не столько административные, производственные образования на факультетах и в научных подразделениях. В МГИМО — это, прежде всего, неформальные коллективы, которые складываются на базе университетских кафедр вокруг известных научных лидеров»¹². Таким лидером, динамичность и «заводные» качества которого хорошо известны не только в МГИМО, но и политологическому сообществу как в нашей стране, так и за её рубежами, явилась д.полит.н., профессор М.М. Лебедева. Она сумела увлечь проблематикой кафедры и коренных мгимовцев, и тех, кто пришел сюда недавно, людей разных поколений и умонастроений, объединив их в эффективно работающий научно-педагогический коллектив.

Сотрудники кафедры мировых политических процессов, при всех индивидуальных различиях в полученном образовании, степенях и званиях,

опыте и навыках исследовательской и преподавательской работы, не говоря уже о ярком личностном своеобразии, сумели сплавить все это в единый стиль работы кафедры. Он закрепляется благодаря традициям, процедурам, нормам получения и передачи знания, а также утверждения профессионального статуса в рамках данной части научного сообщества. При этом стиль деятельности кафедры выходит за её рамки в социальную сферу жизнедеятельности научного социума, определяя, что пристало и что прилично делать профессионалу, а что нет. В условиях, когда специализация научного познания ведет к фрагментации субдисциплин, одной из которых, по сути, и является мировая политика, получение и передача научного знания сопровождается формированием образцов, характерных для той или иной школы, обменом опытом производства и оценки знания.

Другими словами, организационно-практическая, а не только научная и педагогическая, деятельность кафедры вносит свою лепту в развитие и совершенствование форм организации отечественной науки о мировой политике. Ведь какие бы формы не приняла в России молодая наука о мировой политике в будущем, она останется социальным институтом, живущим той же жизнью, что и наше общество. Всегда и всюду, а не только здесь и сейчас, интеллектуальная жизнь — это и борьба за собственность на «плоды просвещения», за результаты работы интеллекта, за их перераспределение и использование внутри и между группами интересов и приверженцами различных систем ценностей. Стиль этой деятельности, усвоенный образ самоидентификации людей, занятых интеллектуальной деятельностью в избранном направлении, позволяет аккумулировать и упорядочить теоретический и эмпирический материал, решать организационные проблемы внутри отдельных групп исследователей, взаимоотношений между их группами и руководителями. В той мере, в какой этот стиль способствует повышению эффективности познавательной деятельности, он превращается в ее эталон.

Говоря о стиле работы кафедры мировых политических процессов, особо следует подчеркнуть усвоенное ею и органически присущее работе МГИМО стремление к доказательному эмпирическому обоснованию теоретических положений. Созидание развесистых вербальных конструкций, столь характерных для бывшего еще недавно на пике моды постмодернизма, здесь никогда не пользовалось большой популярностью. Тезис о том, что «нет ничего практичнее хорошей теории» в работе кафедры сочетается с тезисом о том, что «для плохой теории нет ничего опаснее практики». Стремление довести теоретические положения до стадии практических или экспертных рекомендаций, придать им инструментально-операционное, а при необходимости и практически-политическое значение, — очень важная черта всей работы кафедры мировых политических процессов, изучения человека в мировой политике, в частности.

В качестве иллюстрации важности эмпирического обоснования теоретических выводов относительно содержания и основных тенденций мировых политических процессов, роли и места негосударственных акторов, рядового человека, зачастую и не подозревающего о своем участии в мировой политике, может быть показателен приводимый ниже пример.

В целом, сегодня почти половина европейцев поддерживает членство их государства в ЕС (49%), большинство из них ощущают преимущества от интеграции (53%)¹³. Это, казалось бы, должно способствовать формированию «общеевропейского» сознания. Однако, как известно, «в ряде государств столкнулись интересы тех, кто составляет политическую элиту «титовых» наций, и представителей этнорегионального лагеря»¹⁴. Вследствие чего межгосударственное сотрудничество сталкивается с проявлением обостренного восприятия массой отдельных индивидов своей национальной идентичности, их растущего стремления к сохранению и закреплению своей социо-культурной обособленности.

Эмпирическая обоснованность этого вывода подтверждается тем, что подавляющее большинство европейцев именно европейцами себя и не считают. «Евробарометр» регулярно публикует соответствующие данные, которые показывают, что лишь 4% индивидов ощущают себя «чистыми европейцами», 8% чувствуют себя, прежде всего, европейцами, а потом представителями собственной нации. Но 45% ощущают себя, прежде всего, представителями своей нации, а уже потом гражданами Европы, 41% — исключительно жителями своей страны¹⁵.

О серьезности возможных последствий обострения этнополитической ситуации для отдельной страны европейского интеграционного объединения и всего мира свидетельствует положение в Бельгии. Это не только высоко экономически развитое и вполне «состоявшееся государство», Бельгия — «сердце» и «столица» объединенной Европы. Интересно, что некоторые пропагандисты европейского опыта еще сравнительно недавно указывали на «бельгийскую модель» как на пример «правильного», компромиссного, подхода к умиротворению межнациональных отношений в гражданском обществе¹⁶. Действительно, здесь много говорится о компромиссе как основе построения государства. Тем не менее, политический вес общин и сообществ остается разным. Так как население Фландрии превышает количество жителей Валлонии, то де-факто фламандцы получили больше прав, чем валлоны, а реальная власть оказалась в руках политиков фламандского происхождения. Премьер-министрами, вне зависимости от их партийной ориентации, в последнее время становятся исключительно фламандцы. Во Фландрии возник феномен «нации без государства» поскольку она обладает международной правосубъектностью, участвует в международных отношениях, вплоть до заключения международных договоров. Фламандцы усиленно добиваются отдельного членства Фландрии в ЕС.

В 2010 году во время недавнего голосования на общенациональных выборах националистическая партия «Фламандский интерес» одержала уверенную победу, набрав свыше 30% голосов. «Полная победа. Фландрия сказала свое слово», — заявил лидер партии Де Вевер в своем избирательном штабе после объявления первых итогов выборов¹⁷. Все меньше фламандцев считают себя бельгийцами: около 60% населения Фландрии полагают, что они прежде всего именно фламандцы, а не бельгийцы. Это проявляется и на бытовом уровне. В свою очередь, один из валлонских лидеров, Филипп Муру, выражая настроения большого числа граждан, заговорил о разделе страны: «До сегодняшнего дня мы наблюдали за процессом разрушения государства. Но скоро мы приступим к организации его разделения»¹⁸.

Подобное проявление возрастающей роли индивидов, их тяга к росту обособленности своей политики не только обостряют старое противоречие между «эгоизмом» и «космополитизмом», не преодоленное и в объединенной Европе. Оно угрожает и распадом государства, чрезвычайно опасно для функционирования механизмов европейской интеграции, является тревожным симпто-

мом для всего мира и, соответственно, не может не учитываться в научном исследовании мировых политических процессов. Обращение к реальности политического поведения индивидов, участию каждого из них, их групп и сообществ в мировой политике позволяет судить о правильности любых, даже «общепринятых» и «широко распространенных» теоретических положений и научных прогнозов, постоянно уточняя их. Ведь, в конечном счете, именно эмпирическим обоснованием, проверкой и подтверждением на практике не только выводов, но и исходных концептуальных положений определяется мера успеха любой научной школы.

Summary: Article is devoted a problem of participation of the person in world politics. Authors address to experience of domestic social study, consider history and traditions of studying of the person sociologists and political scientists MGIMO(U). The example of Belgium helps to draw a conclusion that the empirical substantiation of the offered version of statement of a problem testifies to legitimacy of the stated approach.

Ключевые слова

мировая политика, человек, теория, парадигма, школа, опыт, практика

Keywords

world politics, the person, the theory, a paradigm, school, experience, practice

Примечания

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Полн.собр.соч. Т.3. С.77.
2. Международные отношения после второй мировой войны. М., 1962. Т.1. С.XXVI. Такое понимание международных отношений в своем основном содержании воспроизводилось в отечественной справочной литературе до XXI века. См. Политическая энциклопедия. Т.1. С.681. М., 1999. Политика. Толковый словарь. С.333. М., 2001.
3. Поршнев Б.Ф. Франция. Английская революция и европейская политика в XVII веке. М., 1970. Ермоленко Д.В. Социология и проблемы международных отношений. М., 1977.
4. Тюлин И.Г. Воспоминания Дмитрия Владимировича Ермоленко // Дмитрий Владимирович Ермоленко. Серия. Выдающиеся ученые МГИМО — Университета МИД России. М., 2000. С.4–5.
5. См. индивидуальные и коллективные работы, вышедшие при участии и под редакцией Г.Ашина, А.Бовина, Ф.Бурлацкого, А.Бутенко, А.Галкина, Р.Косолапова, А.Салмина, В.Трухановского, И.Тюлина, Г.Шахназарова и мн. др.
6. Фельдман Д.М. Методологические проблемы исследования социалистических международных отношений. М., 1978. С.5.
7. Хотя, как это часто бывает в науке, не всегда чётко очерченный.
8. Этот термин заимствованный из зарубежной литературы, благодаря усилиям М.М.Лебедевой и работам возглавляемого ею коллектива, не только прочно укоренился и широко используется в отечественной науке о мировой политике, но и получил необходимую содержательную интерпретацию и конкретизацию. См., например, «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты. М., 2008.
9. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения, §2. Кант И. Соч. в 6-ти т. М., 1966, т.6, с.361.
10. См.: Баталов Э.Я. Антропология международных отношений // Человек, мир, политика. М., 2008. С.205.
11. Там же. С.210, 211.
12. Алексеева Т.А. Политическая теория в МГИМО // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №4(13). С.212.
13. <http://zaiprotiv.info/mezhdunarodnaya-politika/evrobarometr-pokazal-na-minus001579>
14. См.: Швейцер В.Я. Европейские партии этнорегионального толка: проблемы и перспективы // Между сепаратизмом и автономией. М., 2006. С. 187.
15. <http://www.politex.info/content/view/485/30/>
16. См. Рут Ван Дейк. Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии // Этнические и региональные конфликты в Евразии: в 3 кн. Кн.3. Международный опыт разрешения конфликтов. М., 1997.
17. См. Де Вевер <http://www.rosbalt.ru/2010/06/13/745000.html>
18. Цит. по: Независимая газета. 6 сентября. 2010